

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК УСЛОВИЕ БЕЗОПАСНОСТИ КОРРУПЦИОНЕРА

Ноянзина О. Е., Эбелинг Э. О. (Барнаул)

Аннотация: доклад посвящен оценке социального восприятия вины коррупционеров: как дающих, так и принимающих взятки. На основе применения метода деревьев решений сделаны предсказания в отношении социальных оценок вины как взяточников, так и взяткодателей. Эмпирической основой доклада послужили данные социологического опроса населения городов и сел Алтайского края (2018, n = 1073) в возрасте 15–75 лет. Сделан вывод, что чем больше размер взятки, больше доход респондента и актуальнее для него опыт взяткодательства, тем более он склонен «перекладывать» вину за факт коррупции на получателя неформальных благ. Если опрошенный не имеет опыта дачи взяток, дарения подарков, или их сумма невелика, не наносит существенного ущерба домохозяйству, факт взятки расценивается как спровоцированный обеими сторонами. В целом же, социальное порицание коррупционеров в обществе не столь ярко выражено, население вполне толерантно относится к фактам дачи взяток, использованию личных связей для ускорения или более качественного получения государственных и муниципальных услуг, что, на наш взгляд, служит фактором безопасности взяткодателей и взяточников, как в правовом, так и в социально-психологическом смысле.

Ключевые слова: гражданское общество, коррупция, взятка, вина коррупционера, социальное восприятие.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-33-00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России» (2017–2019).

Коррупция – это комплексное и многофакторное явление, имеющее множественные причины и последствия, поскольку она может принимать разнообразные формы и функционирует в разных контекстах. Явление коррупции охватывает спектр событий от одиночного акта «платежа» (взятки), запрещенного законодательно, до эндемичной дисфункции политической и экономической систем. Проблему коррупции можно рассматривать как структурную проблему политики или экономики, или же, как

культурную и индивидуальную моральную проблему. Определение коррупции варьирует в широких рамках от «неправильного использования публичной власти» и «морального разложения» до жестких правовых дефиниций коррупции как акта подкупа государственного или муниципального служащего и передачи материальных ресурсов. В соответствии с этим изучение коррупции может быть как мультидисциплинарным и затрагивающим как универсальные теоретические модели, так и связанным с описанием одиночных коррупционных актов. Некоторые авторы предлагают рассматривать коррупцию как проблему политической, экономической, культурной или моральной отсталости, однако она имеет место в совершенно разных обществах и очевидно не имеет «быстрого» решения. Transparency International в своих изданиях указывает на то, что борьба с коррупцией должна включать в себя трансформацию публичных программ, реорганизацию правительственных структур, усиление законодательства, активизацию гражданской активности и создание гражданских институтов противодействия коррупции, однако все эти меры должны быть поддержаны как «сверху», так и «снизу» и сопровождаться изменениями на всех уровнях [6]. Более того, в развитых странах коррупция не исчезает, а только лишь принимает новые формы [3].

В связи с этим, даже ощущение гражданами «коррупционности» происходящего, возникновения ситуации вымогательства или тупиковой ситуации, при которой лишь нелегальные практики помогут найти выход, является свидетельством распространённости не только коррупционного поведения, но и соответствующих характеристик общественного сознания.

Следующий блок вопросов был направлен на выяснение социальных установок по отношению к самому факту взятки и участниками этого процесса. Любое проявление взяточничества – это преступление против государства или общества. Согласно данным Левада-центра, большинство граждан России не считает взяточничество преступлением: более половины опрошенных лиц сами хотя бы раз давали взятку должностному лицу. Хотя отметим, что этот вид преступлений наказывается штрафом. Его размер составляет от 60 до 80-кратной суммы взятки. Дополнительно осужденное лицо утрачивает право занимать прежнюю должность. Предусмотрено и иная мера: лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с взысканием штрафа в размере 50-кратной суммы взятки.

Некоторые авторы (см., например, А. Левинсон, Л. Борусяк) отмечают, что иногда взятка участвует в разрешении конфликта ценностей. Например, ценность жизненного успеха близких, прежде всего детей, оказывается выше ценности жить правильно и поступать по закону. Слова «взятка» и «коррупция» содержат разную меру осуждения. О взятке как о деянии вынужденном и, в общем, простительном говорят, имея в виду себя дающих. Коррупция – это уже преступление, она непростительна, это говорится о берущих. Взятки, которые дают люди, возмущают, когда говорят о тех, кто их открыто вымогает или создает ситуацию, когда без денег проблему решить невозможно. Но если люди сами решают, давать или не давать, сами добиваются желательных результатов, то бытовая коррупция воспринимается как вполне достойное, разумное и правильное поведение [1].

Дискуссии по этому поводу имеют длительную историю. Так, например, в рамках анализа практик «подарков» и иных обменов Malinowski (1922), Mauss (1990) и Sahlins (1972) [4, 5, 7] разработали теоретические рамки для современных этнографов. В частности, описан набор практик, распространённых в Китае и имеющих название «гуанхи», что означает «социальные отношения» или «социальные» связи (Yang 1989, 1994) [8, 9, 10], которые представляют собой обязательства взаимопомощи по широкому кругу общественных отношений между двумя партиями, группами, основанные по принципу знакомства. Мотивация практик дарения или материальных компенсаций лежит в характере отношений между двумя группами. Подчиняющиеся этому правилу живут в системе обязательств дарения, получения и «отдарков», которая воспринимается как правильная, а избегание этой системы воспринимается как «потеря лица» в глазах окружающих. Более того, участник гуанхи чувствует себя обязанным помогать другим в ракурсе личного интереса, имея ввиду различные материальные выгоды [11, 12]. В Китае дарение подарков не является обязательным в некоторых контекстах, однако выступает в качестве легитимизации решения о смене работы, повышении, и даже приобретении определенной пищи и товаров в целях получения, например, лучшего образования. Друзья, соседи и коллеги для китайцев выступают в качестве ресурса для получения товаров и услуг.

В России схожий набор практик носит название «блат» и представляет собой использование личных связей и неформальных контактов для получения товаров и слуг в короткие сроки и в

обход формальных процедур. Так, например, А. Леднева [2] отмечает, что блат принимает разнообразные формы, основанные на взаимной выгоде, в рамках которой личные связи дружбы или родства создают моральные обязательства помогать друг другу и формируют соответствующий имидж.

Целью данного доклада является рассмотрение особенностей социального восприятия вины взяточников и взятокдателей, эмпирической основой послужили данные социологического опроса населения (личное интервью на основе полуструктурированной анкеты) городов и сел Алтайского края (2018, n = 1073) в возрасте 15–75 лет, среди них: 43,1 % жителей городов (из них 40,7% – мужчин и 59,3% женщин) и 56,9% жителей сел (из них 47% – мужчин и 53% женщин) Алтайского края.

Итак, несмотря на то, что отношения блата утратили былую значимость в настоящее время, да и слово перестало употребляться с прежней регулярностью, использование личных контактов и неформальных процедур продолжает быть предпочтительным и эффективным способом решения проблем. Сказанное подтверждают и результаты нашего исследования: несмотря на то, что более половины опрошенных (54,5%) считают виноватыми в равной мере и взятокдателя и получателя взятки, чаще виноватым в коррупционной ситуации воспринимается тот, кто берет взятки (32,9%), чем дающий их (4,6%), а 8% жителей Алтайского края затруднились определить, кто виноват во взяточничестве.

Прогноз распределения вины участников процесса дарения / приема взятки построен на основе метода деревьев решений и уже на первом этапе классификации продемонстрировал зависимость суждений от оценок уровня социального и экономического развития в регионе: так, среди считающих Алтайский край регионом благополучным, меньше тех, кто в равной мере распределяет вину взяточника и взятокдателя, больше склоняясь к неопределенным оценкам. На втором этапе классификации выявлена достоверная зависимость оценок всех, кто однозначно не готов назвать Алтайский край богатым благополучным регионом от уровня дохода домохозяйства: чем выше размер дохода, тем чаще в получении взятки, подарка винят получателя, при этом, как показал третий этап классификации, сельчане чаще обвиняют получателя взятки, горожане достоверно больше склоняются к равнозначному распределению вины как дающего, так и получающего неформальную компенсацию (рисунок 1).

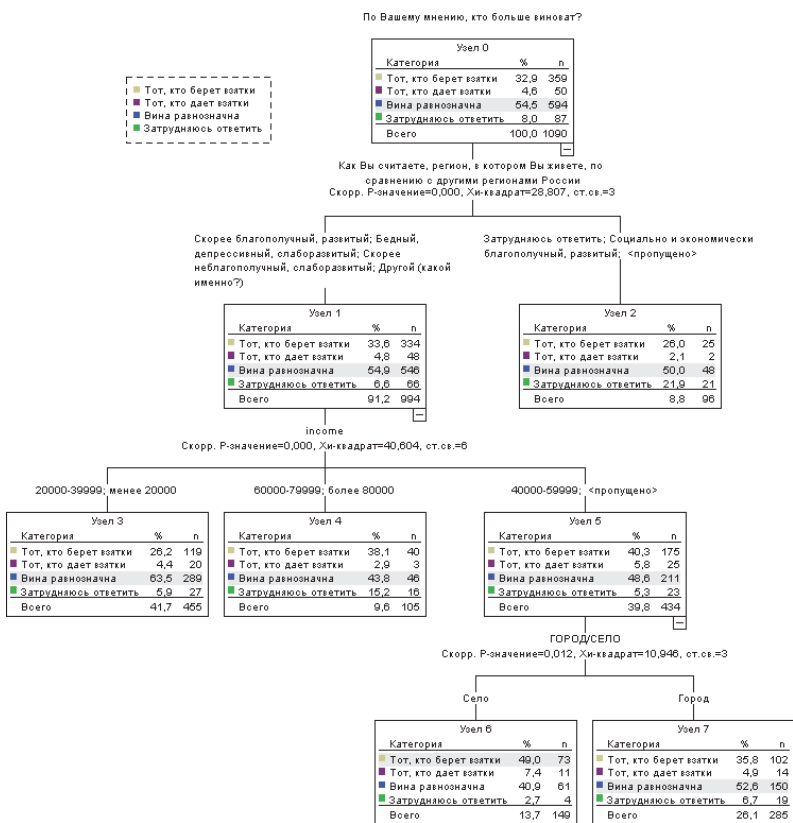

Рис. 1. Дерево предсказаний для оценок вины коррупционеров

Интересным нам показалось и проследить оценку морально-го и этического аспекта коррупции в связи с опытом коррупционной деятельности опрошенных. Отметим, что имеющие опыт дачи взятки немногим более достоверно склонны винить ее получателя в самом факте совершения коррупционной сделки: если взяточника виноватым считают 35,7% никогда не дававших взятки, то среди имеющих такой опыт мы зафиксировали уже 42,1% оценок вины взяточника и меньшую склонность к разделению вины в коррупционной ситуации между ее участниками (42,1% дававших взятку и 55,6% не имеющих такого опыта).

Чем больше размер взятки, тем достоверно выше оценивается вина ее получателя: при сумме взяток свыше 3000 рублей растут оценки вины взяточника, и снижается доля тех, кто полагает вину всех участников процесса равнозначной. Во всех взятках, не являющимися мелкими, по мнению опрошенных, однозначно виноват тот, кто получил денежное или иное материальное вознаграждения, а дающий взятку скорее превращается в лицо потерпевшее, и степень его вины нивелируется. Помимо этого, с увеличением уровня доходов домохозяйства, достоверно растет и степень вины получателя взятки: чем больше зарабатывает семья взяткодателя, тем менее он склонен обвинять себя в фактах взяточничества, дарения им подарков или совершения неформальных платежей.

Таким образом, чем больше размер взятки, чем больше доход респондента и чем актуальнее для него опыт взяткодательства, тем более он склонен «перекладывать» вину за факт коррупции на получателя неформальных благ. Если опрошенный не имеет опыта дачи взяток, дарения подарков, или их сумма невелика, не наносит существенного ущерба бюджету домохозяйства, факт взятки расценивается как спровоцированный обеими сторонами.

В большинстве случаев общественное порицание вызывают и те, кто дает взятки и те, кто их берет, около четверти жителей края осуждают только тех, кто получает взятки, а 9,3% жителей края не осуждают ни тех, ни других, на последней позиции по числу выборов меньше всего осуждения получают берущие взятки, а не те, кто их дает. Осуждение взяточников и взяткодателей, его направленность достоверно связано с размером доходов домохозяйства: чем ниже доход домохозяйства, тем выше уровень осуждения как дающих, так и берущих взятки, работники государственных и муниципальных учреждений (ГУПов и МУПов) преобладают среди тех, кто осуждает и взяточников, и взяткодателей, также как и работники частных предприятий и работники кооперативов. Достоверно наиболее толерантны к обеим сторонам коррупционного процесса работники частных предприятий. Обратим внимание, что представители организаций некоммерческого сектора, на которых зачастую «возлагают надежды» органы государственной власти и управления в части вовлечения в организацию антикоррупционного просвещения в 50% случаев не осуждают тех, кто дает взятки, а лишь тех, кто их берет;

Наиболее жёсткое отношение (осуждение и дающих, и берущих взятки) достоверно присуще руководителям высшего звена

(63,6%), бизнесменам (60%), а также служащим, техническим исполнителям (59,8%), а наибольшую терпимость к поступкам и тех, и других проявляют специалисты (13,9%) и студенты (12,7%). Имеет значение при формировании антикоррупционного мировоззрения и уровень образования опрошенного: наиболее нетерпимые оценки демонстрирует население края со средним общим (54,3%) и средним специальным (52,4%) уровнем образования, а наибольшую терпимость к берущим и дающим взятки – жители с неполным общим образовательным уровнем (16,7%). Отметим, что более жестких позиций придерживаются и жители сел края (57%), а более лояльным отношением отличаются жители городов (11,2%), также достоверно оценки жизни в регионе как благополучной и богатой будут способствовать формированию терпимого отношению к фактам взяточничества как для берущих, так и дающих подношения от 20,6% лояльных оценок считающих Алтайский край богатым развитым регионом до 5,7% тех, кто считает край бедным и депрессивным. В целом при повторении тенденций общей выборки в группах опрошенных с разным уровнем информированности о проводимой в крае антикоррупционной работе, отметим достоверную закономерность: чем выше уровень информированности, тем выше нетерпимость к взяточничеству. Полагаем, что отмеченные тенденции следует учитывать при планировании профилактических мероприятий и антикоррупционного просвещения.

Литература

1. Левинсон А., Борусяк Л. «Знак уважения»: как россияне относятся к коррупции. [Электронный ресурс]: <https://www.rbc.ru/society/08/04/2019/5caaed259a7947a31a21c1cd> (дата обращения: 02.02.2019).
2. Леднева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе. // Мир России. 1997. №2. С. 89–106.
3. Girling J. Corruption, Capitalism and Democracy. London: Routledge, 1997.
4. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. New York: Dutton & Co. Inc., 1961.
5. Mauss M. The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies. London: Routledge, 1990.
6. Pope J. National Integrity Systems: The TI source book. Washington DC: TI and EDI, 1997.

7. Sahlins M. Stone Age Economics. London: Routledge, 1972.
8. Yan Y. The Flow of Gifts: Reciprocity and Social Networks in a Chinese Village. California: Stanford University Press, 1996.
9. Yang M. M. H. The gift economy and state power in China // Society for Comparative Study of Society and History. 1989. Vol. 31, no. 1.
10. Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Авдеева Г.С. Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов // NB: Национальная безопасность. 2012. №1. С. 213–254.
11. Maximova S.G., Noyanzina O.E., Omelchenko D.A. Risk of social exclusion and social security of the elderly age persons in Russian regions // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №1. С. 73–84.
12. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Генерализованное (обобщенное) доверие в российских приграничных регионах как показатель социальной безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №2. С. 11–28.

SOCIAL PERCEPTION OF THE BRIBERY AS A CONDITION OF CORRUPTOR'S SAFETY

Noyanzina O. E. (Barnaul)

Abstract: *a paper describes the evaluation of the corruptor's guilt: as the givers as the receivers. Basing on the Decision tree method we argued about social evaluations of the corruptor's guilt. Sociological research among rural and urban population of the Altai region (2018, n = 1073) at the age of 15–75 years. Concluding, the higher the bribe amount, respondent's income and more relevant bribe experience, the more people inclined to shift the blame for corruption to the receiver of informal goods. If respondent has no bribe or making gifts experience, of gave only «small» bribes, having no negative effect for the household's budget, he / she considers that the bribe is the guilt of both sides. In total, social blame of corruptors is not evident in society, people are rather tolerant to bribes, use of personal networks to accelerate or receive state or municipal services at the best level. All these may be considered as a factor of legal and social-psychological safety for corruptors, as the givers as the receivers.*

Keywords: *civil society, corruption, bribe, corruptor's guilt, social perception.*